
IV. СОЦИАЛЬНАЯ ТЕОРИЯ

СТАТЬИ

Ю.А. Кимелев

ФИЛОСОФСКИЕ И СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ СОЦИАЛЬНОЙ ОНТОЛОГИИ

Социальная онтология в настоящее время реализуется как соответствующая философско-онтологическая теория, а также как определенный сегмент социально-научного познания, в первую очередь социологического.

Социальная онтология разрабатывается в современной философии как относительно автономный раздел онтолого-метафизической проблематики, без эксплицитного соотнесения с социальными и гуманитарными науками. В то же время онтологические концептуализации социальной реальности объективно тематизируют предметную область социальных наук, объективно представляют собой наиболее общие предпосылки исследовательской практики социальных наук.

Философско-онтологические концептуализации социальной реальности могут не только спонтанно-объективно служить социальным наукам, но и осознанным образом ориентироваться на тематизацию предметной сферы социальных наук, могут выполнять инструментальную функцию по отношению к социальным наукам. «Разворот» таких концепций в сторону социальных наук, сочленение или интеграция в социально-научное познание осуществляются либо внутри самих социально-онтологических теорий, либо извне.

Философско-онтологические теории социальной реальности могут выполнять целый ряд функций в отношении социальных наук. Они способны выступать как общая интерпретационная или объяснительная рамка социально-научных исследований; служить основой систематизации внутри той или иной социально-научной дисциплины или даже междисциплинарной систематизации. Эти функции философии предполагают ту, что можно считать основной, – функцию общего определения исследовательского поля для социальных наук.

Социальная онтология и как автономная философская теория, и как сегмент социальных наук стремится решить несколько онтологических задач. Укажем важнейшие из них. Первая задача – попытаться ответить на вопрос о возникновении, оформлении социальной реальности в единой реальности, соответственно, ответить на вопрос о месте социальной реальности в единой реальности. Она решается через соотнесение с природной реальностью и антропологической реальностью. Подходы к решению этой задачи определяются общей философской позицией – онтологическо-антропологическими воззрениями, пониманием философско-антропологической проблематики.

Вторая задача – постичь фундаментальное строение социальной реальности, определить ее базисные элементы (которые могут постулироваться как объективный ориентир социально-научного познания). В качестве элементов фундаментального строения полагаются чаще всего институциональные структуры и человеческая агентность, индивидуальная и коллективная, как способность человека создавать, поддерживать и изменять институциональные структуры.

Решение задачи определить фундаментальное строение социальной реальности по существу создает условия для решения еще одной задачи социальной онтологии – указать главные источники социального изменения. Современная онтология стремится тематизировать временное изменение постигаемых реальностей, объяснить механизмы изменчивости и изменения этих реальностей. Тем более такая задача стоит перед социальной онтологией.

Фундаментальная цель социальной онтологии заключается в указании принципиальных условий возможности самого разнообразного конкретного оформления социальной реальности. Собственно, цель социальной онтологии состоит не в определении того, почему социальная реальность приняла те или иные конкретные формы. Главная цель и отличие социально-онтологических концептуализаций от философско-исторических, социально-философских и социально-научных теорий состоит именно в том, что эти последние должны описывать и анализировать конкретные социальные состояния, формы и процессы.

Таким образом, основным признаком социально-онтологических концептуализаций является предельная всеобщность, даже определенная историчность. Речь идет о константах социальной жизни человека как таковой.

При обращении к вопросу о возникновении социальной жизни происходит соотнесение с природной реальностью, биоантропологической реальностью, воспринимаемыми как порождающие и обуславливающие и в то же время константные инстанции.

При рассмотрении фундаментального строения социальной реальности структуры и агентность, структуры и действие также воспринимаются как исторически-инвариантные константы. Конкретное многообра-

зие структур и агентности, а также форм их взаимодействия совпадает с многообразием социально-исторической жизни человечества. Во многом по этой причине теория действия в разнообразии ее гештальтов – как классическая, моральная, как теория коммуникативного действия и т.д. – сама по себе служит необходимым, но не достаточным условием социально-онтологической концептуализации.

Социальная онтология разрабатывается в философии истории; в философской онтологии; в социально-научном познании, прежде всего в теоретической социологии. Актуальное состояние социальной онтологии в этих сферах теоретической деятельности и станет объектом рассмотрения. Ориентиром будет служить предложенное определение основных задач социальной онтологии.

Разработка проблематики социальной онтологии обладает своей спецификой в указанных областях философии и социально-научного познания.

Онтология и традиция философии истории

Социальная онтология традиционно представляла как «материальная», или «субстанциальная», философия истории.

В XX в. было принято разделение философии истории на два вида. Первый осуществляет философскую тематизацию, исследование и осмысление исторического процесса как определенной *бытийной сферы*, как одного из главных контекстов существования человека. Такую философию истории, наиболее ярко воплощенную в классических образцах (философия истории Дж. Вико, И. Гердера, Г. Гегеля, К. Маркса и др.) и имевшую явное преобладание в истории существования этой философской дисциплины, принято называть *материальной, онтологической* или *субстанциальной* философией истории. Второй вид философии истории, связанный с осмыслением природы исторического познания, соответственно, обозначается как *критическая, аналитическая* философия истории (последнее название распространено в англоязычной литературе по философии истории, где большинство работ по эпистемологии и методологии исторического познания написаны представителями аналитической философии).

Представим классическую философию истории как определенный философско-онтологический проект.

Субстанциальная философия истории стремится к решению нескольких основных задач. Конститутивным признаком задач философии истории является установка на сущностно-онтологическое постижение исторической жизни, т.е. концептуализацию ее первоистоков, фундаментальных структур, последних или высших движущих сил. Основные задачи материальной философии истории представляют собой своеобразное воплощение главных задач социальной онтологии, как они были охарактеризованы выше.

Первая задача – установление главных причин и факторов движения истории. Указание таких структурных моментов позволяет, с одной стороны, представить историю как особую сферу, наделенную своей бытийной спецификой, а с другой – показать ее структурированность, упорядоченность и, соответственно, представить ее как нечто понятное или рациональное. Решение этой первой задачи сопряжено, как правило, с утверждением господства в истории *всеобщностей* того или иного рода. Постигание законов истории в целом или же законов ее отдельных этапов, фундаментальных факторов (природных, биологических или др.), обуславливающих социогенез и социальную динамику, понимается как постижение существенного, т.е. главного и определяющего содержание и ритм истории.

Такая задача материальной философии истории связана также со стремлением осуществить процессуальное членение исторической жизни. Расчленение истории на эпохи, этапы, стадии и другие относительно замкнутые в содержательном отношении сегменты позволяет изобразить ее как упорядоченный процесс, каждый этап которого обусловлен в значительной мере предыдущими и, в свою очередь, определяет будущие стадии истории. Это предполагает выявление некоей общей формы или «фигуры» протекания истории. Констатация того, что история движется по восходящей линии, по кругу или спирали, призвана дать решение проблемы отношения между всеобщим содержанием истории и ее конкретными и многообразными проявлениями. Такая констатация позволяет также выявить характер отношения между прошлым, настоящим и будущим.

Важным компонентом характеризуемой задачи субстанциальной философии истории можно считать попытки выявить «смысл истории», ее «назначение». Такое прочтение истории обычно ограничивается двумя крайними позициями. Первая заключается в полагании объективного всеобъемлющего исторического смысла. Историческая жизнь индивида есть пребывание или деятельность в охватывающей его смысловой сфере. Смысл истории усматривается в реализации определенных принципов, идей, сущностей или ценностей. Такие объективно существующие всеобщности конституируют историческую жизнь человечества в организованное, упорядоченное целое, постижимое средствами философской рефлексии. Сама эта рефлексия, прозревая и утверждая смысл исторической жизни, служит либо целям более адекватного и полного понимания божественного замысла относительно человека и его истории, либо целям просвещенного освобождения человечества, полной реализации «сущности человека», воплощению неисчерпаемых творческих возможностей человечества и т.п. Подобная всеобщность поэтому является, как правило, и определенным антропологическим тезисом, призванным выразить предназначение человека. Этой позиции противоположна другая – она связана с утверждением того, что исторический смысл инновационно порождается, постоянно создается субъектами исторической жизни.

Ключевое значение имеет то обстоятельство, что материальная философия истории понимает смысл истории как нечто «бытийное», как нечто внутренне присущее историческому процессу. Это так даже при провиденциалистском понимании истории. Божественно-трансцендентная реальность определяет глубинное бытийное содержание истории. Это позволяет сделать вывод о том, что философия истории при указании «смысла истории» достигает важнейшей онтологической цели.

Вторая общая задача социальной онтологии, задача определения фундаментального строения социальной реальности, предстает в философии истории как проблематика отношений между историей и человеком. Проблематика «человек и история» традиционно предстала в философии истории прежде всего как стремление определить место человека в социально-историческом процессе, определить смысл его исторического существования и действия, предстала как стремление выявить характер исторического самопонимания и опыта индивида. В традиционном философско-историческом дискурсе мы можем выделить два основных и в то же время крайних воззрения на проблему отношения «человек – история». Первое утверждает господство всеобще-исторических моментов над индивидуально-личностными в том плане, что индивид как исторический субъект есть лишь средство реализации всеобщих содержаний – законов, целей, смыслов. Масштаб исторической личности определяется характером и мерой ее продуктивности в такой реализации. Второе воззрение провозглашает, что человек выступает как исторический субъект, не детерминируемый всеобще-историческими моментами, сам конституирует свое историческое существование как какое-то историческое образование – индивидуальное или коллективное. Процесс конституирования может восприниматься в своем предельном виде как условие созидания каких-то общих исторических институтов, структур, целостностей. Можно утверждать, что эти две основные, а также те или иные промежуточные и комбинированные позиции включают в себя практически весь спектр философско-исторических воззрений на проблематику отношений между историей и человеком, по меньшей мере весь спектр традиционных философско-исторических воззрений.

Эти философско-исторические воззрения определяют и общий подход к тому, что можно назвать основными измерениями исторического существования человека: историческое действие; смысл исторического существования и действия индивида; историческая идентичность; исторический опыт.

* * *

Основные задачи материальной философии истории, реконструированные на основе ее классических образцов (прежде всего гегельянских и марксистских), могут быть представлены как определенные устойчивые и

даже универсально применимые принципы философско-теоретического постижения истории.

Так, первая из указанных задач материальной философии истории может сохраняться в виде ориентации на постижение фундаментальных факторов (природных, биологических, собственно социальных), определяющих социогенез и социальную динамику и обладающих универсальной действенностью.

В конце XX – начале XXI в. в философии истории в ее материальной разновидности предпринимаются попытки философского постижения исторической реальности в ином или ограниченном по сравнению с классическими образцами формате: исследования различных «временных слоев» истории; изучение в философско-исторической перспективе историко-трансформационного потенциала техники; сопоставление понятий «глобализация» и «всемирная история»; различные концептуализации «конца истории». Философско-исторический характер, по существу, носят некоторые общие социально-научные концептуализации «модерна» и «пост-модерна».

Подобные попытки философского постижения исторической реальности рассматривались в специальной работе, посвященной актуальному состоянию философии истории [Кимелев, 2009]. Поэтому ограничимся здесь анализом того, как в нынешней философии решается задача определения взаимодействия институциональных структур и агентности, как предстает проблематика «человек и история».

В этом плане значительный интерес представляет социально-онтологическая концепция Роланда Румпеля, именуемая им как «теория истории» [Rumpel, 1990]. Этот теоретический проект характеризуется автором также как «онтология исторической реальности». «Структурная теория истории» Роланда Румпеля представляет собой философско-историческую концепцию, в которой фактически рассматриваются большинство традиционных проблем материальной философии истории, а также ставятся новые проблемы, обусловленные современной философской, социально-научной и историографической культурой.

Здесь будет предпринята попытка вычлнить те элементы концепции Р. Румпеля, которые можно свести в философский проект онтологии истории.

Р. Румпель утверждает, что теория истории ищет общую структуру, или принцип истории. История в своей базовой структуре становится последним из всех принципов и самой фундаментальной из всех структур. «Базисная аксиома теории истории» предстает у Р. Румпеля следующим образом: «С одной стороны, противоположность, напряжение и в конечном счете творческое отношение между происходящим и историей. С другой стороны, рефлексивная и практическая организация истории из происходящего посредством базисного акта конкретного субъекта» [Rumpel, 1990, S. 16]. Такая структура представляет собой условие возможности

истории вообще, это одно и то же условие возможности во всех отдельных историях.

Бытие человека состоит не в наилучшей адаптации к преднаходимому миру, а в наилучшей трансформации этого мира. Сфера человеческой истории – такая трансформация, осуществляемая исходя из базисного акта рефлексии.

Конкретный субъект создает историю посредством «организации происходящего», посредством проектирования «полей возможных процессов». Конституируются «поля возможных историй», в этих полях могут протекать реальные процессы. Можно выразиться и таким образом, что поля представляют собой спроектированные условия возможности историй. Такие поля структурируют, организуют, интерпретируют происходящее, упорядочивают происходящее как возможные истории. Субъект как сила, организующая поле, представляет в воображении возможные миры и этим истолковывает происходящее, соответственно, превращает происходящее в определенные реальные процессы.

Поле организуется в определенном направлении. Такая осуществляемая рефлектирующим субъектом организация происходящего становится определенной «доминирующей историей», смысл которой начинает господствовать над другими возможными историями.

Рациональная базисная структура истории, эксплицируемая теорией истории как отношение между конкретным субъектом и происходящим, называется «космической историей». Эта структура, «космос», обосновывает, объясняет и оправдывает самые разнообразные эмпирические истории. Такая базисная структура называется «космосом» потому, что она есть порядок, который – находясь в центре истории – стоит над историей и в который исторический человек вляется как часть.

Космическая история характеризуется понятием «игра». Это понятие служит в качестве новой парадигмы постижения человеческого познания, действия и бытия. Будучи бесцельной, игра сама в себе несет свой смысл, но только если играющий субъект безусловно и ангажированно стремится к достижению своих целей (в игре). Игра сама играет, играет с субъектом, она есть подлинный субъект игриания, но только если субъекты принимают игру в сознании своей свободы и креативности.

Исторический человек укрыт в космосе истории, но укрыт только по видимости, поскольку именно он сам постоянно заново порождает этот космос посредством своих конкретных способов и форм организации истории. Он играет с миром, и его судьба сама поставлена на карту игры. В основе трудящегося, продуцирующего человека лежит человек играющий, играющий с реальностью. Лишь исходя из базисного порядка игры, можно в конечном счете понять продуцирование и труд как акты изменения и оформления окружающего мира.

Историческая реальность есть порожденная, созданная, сделанная действительность в противоположность предданной, покоящейся в себе

реальности, которую обозначают словом «природа». Ее породило не абсолютное бытие (например, Бог), а человек как ограниченное существо. Она есть поэтому монтаж, попытка и эксперимент, могущие потерпеть неудачу. Значительная ее часть состоит из неудавшихся фрагментов (из «онтологического отброса»).

Как порожденная конкретными субъектами, историческая реальность есть многообразная реальность, которую нельзя объединить каким-то одним толкованием. В то же время ее можно редуцировать к определенной формальной структуре. Историческая реальность – это не сингулярная действительность. Она обладает множественными и чередующимися центрами. Эти центры, или целостные поля, могут увязываться в сети, в том числе иерархически организуемые. Эти центры можно постигать как организующие себя отграниченные индивидуальности, они обладают характером субъектов.

Историческая реальность есть нестабильная и ненадежная действительность. Субъекту не удается из происходящего породить порядок, который бы определил реальность ясно и однозначно.

Завершая краткую экспозицию «теории истории», понимаемой Р. Румпелем как «онтология исторической реальности», интересно отметить, что он постоянно указывает, что такая «онтология исторической реальности» базируется только на опыте исторического существования западного человека, западной цивилизации. Использование слов «космическая игра» в качестве ключевого понятия социальной онтологии призвано подчеркнуть открытый, незавершенный, непредсказуемый характер социально-исторической реальности.

Вообще мы вправе заключить, что при разработке социальной онтологии и в философии, и в социальных науках в настоящее время очевидно преобладает стремление к концептуализации социальной реальности как открытого, не предопределенного динамичного процесса. Конечно, речь идет именно о социальной онтологии, т.е. каких-то «последних», «базисных» свойствах социальной реальности.

С таким выводом относительно характера разработки социальной онтологии сочетается и другой вывод общего плана. Современные социально-онтологические концепции делают акцент на социально-созидательном потенциале человека. Это касается и генезиса социальной реальности, и вычленения базисных компонентов этой реальности, и указания на источники социальных трансформаций.

* * *

Итак, была предпринята попытка реконструировать традицию материальной философии истории в онтологической перспективе, представить ее как определенную философско-онтологическую теорию. Эта реконструкция вкупе с указанием на некоторые образцы реализации этой теории в нынешних условиях позволяют говорить о том, что философско-истори-

ческая теория может считаться частью актуального проекта социальной онтологии и, шире, – частью актуального философско-онтологического дискурса.

Подобный подход к традиции материальной философии истории может фактически получить подкрепление через дистанцирование, а то и исключение метафизического измерения этой традиции. В этих целях целесообразно дополнить осуществленную выше онтологическую реконструкцию указанием на основные характеристики философии истории как метафизики истории.

Отметим, прежде всего, что само оформление представления, соответственно, понятия «история вообще» означало не только приобретение какой-то новой, сулящей огромные возможности философской перспективы на историю. Это означало вместе с тем и актуализацию метафизического отношения ко времени, означало динамизацию и овременение метафизической бытийной и смысловой перспектив.

В то же время это означало и приобретение предметности, способной выступить в качестве тотальной метафизической предметности, а также стать принципом метафизического понимания действительности вообще. История как предметность могла стать равнозначной космосу, а исторический способ понимания действительности – стать равнозначным космологическому.

Философия истории становится метафизической, когда «история» предстает как бытийная целостность, а понятие истории приобретает характер понятия тотальности. О метафизической теории истории можно говорить тогда, когда история постигается как последняя и всеохватная реальность человеческого бытия. История образует всеобъемлющий и последний «жизненный горизонт» существования, поведения и действия человека.

История, историческая жизнь человека предстает как *всеобъемлющая бытийная сфера*, в которой синтетически представлены все стороны и моменты человеческого бытия. Самое важное заключается в том, что бытийная сфера истории предстает не только как всеобъемлющая по отношению к человеческому бытию, но и как *первичная*. Всеобъемлющая целостность и первичность позволяют говорить об истории как *метафизической реальности*.

Социальная онтология в новейшей философии

Возрастание интереса к социальной онтологии, «онтологии социального мира», наблюдаемое в настоящее время в философии, прежде всего аналитической философии, – явление относительно новое в сфере онтологии. Этим объясняется, в числе прочего, внимание, которое уделяется ей в данной работе.

Понятно, что при понимании общей задачи или по меньшей мере одной из важнейших задач онтологии как установления «того, что суще-

ствует», «перечня сущего») колоссальный мир социально-исторической жизни человека не может остаться вне сферы философско-онтологического познания.

Напомним, что социальная онтология и как автономная философская теория, и как сегмент социальных наук стремится решить несколько онтологических задач. Первая задача – попытаться ответить на вопрос о возникновении, оформлении социальной реальности в единой реальности, соответственно, ответить на вопрос о месте социальной реальности в единой реальности. Эта задача решается через соотнесение с природной реальностью и антропологической реальностью.

Вторая задача – постичь фундаментальное строение социальной реальности, определить ее базисные элементы (которые могут постулироваться как объектный ориентир социально-научного познания). В качестве элементов фундаментального строения полагаются чаще всего институциональные структуры и человеческая агентность как способность человека создавать, поддерживать и изменять институциональные структуры.

Таким образом, решение задачи определить фундаментальное строение социальной реальности по существу создает условия для решения еще одной задачи социальной онтологии – указать главные источники социального изменения. Современная онтология стремится тематизировать временное измерение постигаемых реальностей, объяснить механизмы изменчивости и изменения этих реальностей.

Повестка дня социальной онтологии в новейшей философии центрируется главным образом на вопросах генезиса и места социальной реальности в единой реальности, рассматриваемой преимущественно с натуралистских и физикалистских позиций. Эти вопросы предполагают общую онтологическую схематику.

Так, Ингвар Йогансон утверждает: «Важнейшая онтологическая проблема сегодня – как разместить общество в природе» [Johansson, 1989, p. 36].

Решение этой проблемы возможно в рамках разработки «когерентной системы всех наиболее абстрактных категорий», нужных для истинного описания мира. Для лучшего понимания природы, человека и общества, а особенно отношений между ними следует пересмотреть наши самые базисные категории. Более того, настало время не только для модификации или возврата к какой-то категории, но и для создания новой категориальной системы.

Совокупность категорий должна образовать «онтологическую систему». При разработке такой системы основная трудность заключается в объединении концептуализации природы, отождествляющей ее с «мертвой» материей, с идеей о том, что некоторые понятия, не соотносящиеся с понимаемой таким образом природой, – например, понятия «действия» и «интенции» – все же соотносятся с чем-то, что обладает реальным существованием.

Разграничение между природой, человеком и обществом может быть осуществлено с помощью категории интенциональности. Соответственно, природа тождественна с не-интенциональной частью реальности. Интенциональность представляет собой наиболее важную для понимания человека категорию. Категория интенциональности является ключевой и для понимания общества. Ведь человек и общество немислимы друг без друга. «Существует только один способ объединить индивидов и общество, – резюмирует И. Иогансон, – сделать это можно с помощью категории интенциональности, а также различных типов “угнездившейся” интенциональности» [Johansson, 1989, p. 314].

«Угнездившаяся» интенциональность означает нерасторжимую связь в человеке между телом и интенциональностью, между биологической природой человека и его социальной природой. Материальное и интенциональное вообще сплетены воедино. Категория интенциональности при всем своем фундаментальном значении для существования человека и общества не должна пониматься идеалистически. Соответственно, вся система онтологических категорий призвана воплощать и выражать «не-редуктивный материализм». Единая реальность при ее концептуализации в свете «не-редуктивного материализма» включает «природную материю» и «общественную материю», природу и общество.

Концепция И. Иогансона выделяется полнотой разработки онтологической проблематики, как она представлена в современной аналитической философии. Мы ограничились реконструкцией тех моментов этой концепции, которые имеют непосредственное отношение к социальной онтологии.

Усиление внимания к проблематике социальной онтологии в последнее время связано во многом и с намерением Джона Сёрла разработать «общую теорию социальной онтологии» [Searle, 2010].

Дж. Сёрл считает, что есть нужда в новой области философии, которую можно было бы назвать «философией общества», подобно тому как Г. Фреге, Б. Рассел, Л. Витгенштейн и др. изобрели философию языка в конце XIX – начале XX в.

Дж. Сёрл исходит из того, что поскольку мы живем в одном мире, то должны быть в состоянии точно объяснить, как различные части относятся друг к другу в когерентном целом. В своих работах Дж. Сёрл стремится объяснить, каким образом функционируют ментальность (mind), язык и социальная реальность и каким образом они образуют когерентное целое. Следует показать, что мы живем в одном мире, а не в двух или трех – физическом, ментальном и культурном.

Реальность состоит из физических частиц и силовых полей. Частицы обычно организуются в более крупные системы. На нашей планете некоторые системы представляют собой живые системы, являющиеся членами видов, которые возникли в долговременном эволюционном процессе. Некоторые из таких живых систем являются животными, а некоторые жи-

вотные обладают нервными системами, способными порождать и поддерживать сознание. Обычно обладающие сознанием животные обладают и интенциональностью.

Вид, члены которого способны к обладанию сознанием и интенциональностью, может продвинуться к коллективной интенциональности. С приобретением коллективной интенциональности вид автоматически приобретает «социальные факты» и социальную реальность.

Человеческое общество, как общество, отличающееся от других животных обществ, базируется на некоторых весьма простых принципах. Более того, институциональные структуры базируются, если быть точным, на одном принципе. В высшей степени сложные образования человеческого общества – это различные поверхностные манифестации чего-то общего, лежащего в их основе. Речь идет о поиске единого механизма продуцирования институциональных фактов. Мы используем один формальный лингвистический механизм. Он применяется вновь и вновь с различными содержаниями. Все человеческие социальные институты начинают существовать и сохраняют свое существование посредством одной логико-лингвистической операции, которую можно применять повторно сколько угодно. Язык конституирует институциональную реальность, и все человеческие институты являются по существу лингвистическими. Отметим, что практически вся социально-онтологическая концепция Дж. Сёрла представляет собой развернутую экспликацию этого базисного тезиса.

Все институциональные факты и поэтому все статусные функции создаются речевыми актами – «декларациями». Некоторые речевые акты функционируют с целью представить, как вещи суть в мире. Декларативные речевые акты изменяют мир, декларируя, что какое-то положение дел существует, и тем самым вызывая это состояние дел к существованию. За исключением самого языка вся институциональная реальность и в известном смысле вся цивилизация создаются речевыми актами, обладающими той же логической формой, что и декларации, – «декларациями статусных функций». Конститутивные правила формы «*x* считается *y* в *c*» – это постоянные декларации.

Есть регулятивные правила (делай то-то) и конститутивные. Конститутивные – «*x* считается *y* в контексте *c*». Статусные функции вызываются к существованию посредством конститутивных правил. Это же правило относится к самому фундаментальному институту из всех – языку. Институт – это система конститутивных правил, и такая система автоматически создает возможность институциональных фактов.

Статусные функции, существующие в силу коллективной интенциональности, обладают «деонтическими силами». Они несут права, обязательства и т.п. Позитивные, негативные и – логически – условные, дизъюнктивные.

Деонтические силы обладают уникальным свойством, вероятно, неизвестным в животном царстве: как только они получают признание, они

снабжают нас причинами действовать, независимыми от наших склонностей и желаний. Статусные функции – клей, скрепляющий общество. Они создаются коллективной интенциональностью и функционируют, неся деонтические силы.

Социальная и институциональная реальность является объективной реальностью только потому, что мы считаем ее таковой. Коллективное наделение статусными функциями правительств, денег, национальных государств, университетов и т.д., а главное, долгосрочное принятие и признание этих статусных функций за всеми этими институтами заставляет их казаться прочными, как скалы.

Как только происходит отказ от коллективного принятия, институты могут претерпеть неожиданный и даже мгновенный коллапс. Пока же институты как социально созданные механизмы существуют, они обладают каузальной силой, что может служить самым общим объяснением социальной реальности.

Если попытаться сжато реконструировать основной теоретический ход Дж. Сёрла при разработке «онтологии социального и институционального», то его можно представить в следующем виде. Существование социальной институциональной реальности связано с тремя факторами – коллективной интенциональностью, наделением чего-либо какой-то функцией и конституирующими правилами. Соответственно, факторами, выраженными этими понятиями, возможно, по мнению Дж. Сёрла, объяснить «всякую институциональную реальность».

Концепция Сёрла давно находится в фокусе дискуссии об онтологическом статусе «социальных сущностей». Определились и сторонники, и критики социально-онтологической теории Сёрла. Аргументы и тех и других Сёрл постарался учесть в своей последней книге, на которую мы главным образом и ориентировались при реконструкции этой концепции.

Вместе с тем целый ряд вопросов остаются в его теории по-прежнему без ответа. Попытаемся сформулировать подобные вопросы. Первый вопрос касается редукционистской позиции Сёрла, связанной с его общей онтолого-метафизической концепцией. Редукционистская позиция Сёрла состоит в том, что при определении онтологического статуса социальных сущностей он говорит о *физических* сущностях, которые мы наделяем особой социальной природой.

Подобная редукционистская позиция Сёрла, естественно, должна вызывать критические возражения со стороны тех, кто стремится отстаивать особую *социальную* природу социальных объектов, соответственно, их особый онтологический разряд, не редуцируемый к какому-либо другому разряду сущих, даже разряду материальных физических сущностей.

Позиция Сёрла, с одной стороны, сильно преувеличивает потенциал человеческого субъекта, коллективной интенциональности, потенциал человеческих конвенций и языка, с другой стороны, ничего не говорит о той

роли, которую играет мир в формировании конвенций, соответственно, в созидании социальных объектов.

При подходе Сёрла особое значение приобретает вопрос о содержании конвенций, о содержании тех постулируемых договоров, результатом которых являются конвенции.

Вообще, социальная онтология, по Сёрлу, не в состоянии объяснить многие сегменты и содержания социального мира. Ограничимся указанием на то обстоятельство, что социальные институты нельзя свести ни к физическим объектам, будто бы приобретающим свои свойства посредством коллективной интенциональности, ни тем более к самим по себе речевым актам, выражающим коллективную интенциональность. Упомянем также факторы и механизмы социальной жизни, традиционно характеризующиеся как «невидимые».

Подчеркнем еще раз, что концепция Сёрла и порождаемые ею дискуссии обладают первостепенным значением в разработке философской социальной онтологии в настоящее время.

* * *

Социально-онтологическая проблематика в философии предстает не только как проблематика возникновения и конституирования, но и как проблематика фундаментального строения и функционирования социальной реальности. В настоящее время рассмотрение этой проблематики осуществляется чаще всего через полагание в качестве базисных структурных элементов институциональных структур и агентности человека, т.е. его способности к социальному действию, а также через определение отношений между такими базисными элементами. Анализ отношений между социальными структурами и социальной агентностью, индивидуальной и коллективной, осуществляемый на весьма абстрактном уровне, есть важнейший элемент онтологического анализа социальной реальности. Не случайно, в частности, что, как мы видели, именно интенциональность, индивидуальная и коллективная, находится в фокусе внимания при разработке социально-онтологической проблематики.

В социально-онтологической перспективе в центре внимания неизбежно должен находиться человек как создатель и ключевое функциональное звено социальной реальности как таковой.

Двустороннее отношение между социальным действием и социальной структурой – это всегда процессуальное отношение, означающее динамичное и взаимообуславливающее взаимодействие сторон отношения.

Разработка проблематики отношений между институциональными структурами и агентностью в философии являет определенную специфику по отношению к социально-научному, прежде всего теоретико-социологическому подходу к этой проблематике. Если говорить очень коротко, специфика эта связана с более дифференцированным, философски артикулированным вниманием к *субъектности* и субъективности.

В истории философии (в частности, в традиции философии истории) представлен весьма широкий спектр концептуализаций отношений социального агента с социально-историческими структурами. Поллюсами этого спектра можно считать утверждение о свободной конститутивно-созидательной функции по отношению к социально-историческим структурам, с одной стороны, и утверждение о полном подчинении им – с другой. И в современной философии воспроизводятся основные позиции указанного спектра. Конечно, они представлены новыми концептуализациями.

В настоящее время агентность как способность просто поддерживать и воспроизводить институциональные структуры как основу социального порядка не находится в центре внимания. В конце концов, весь исторический опыт человечества так или иначе свидетельствует о такой способности. В новейшей философской литературе обсуждаются в основном вопросы о способности или неспособности человека к свободному самоопределению в своем социальном действии и существовании. В таком своем качестве, в своей волевой и целеполагающей природе агентность противопоставляется социально-теоретическим позициям, которые утверждают примат факторов, принципиальным образом ограничивающих или детерминирующих человеческое действие.

Таким образом, речь идет прежде всего о социальной агентности как способности человека создавать и изменять социальный порядок, в том числе базовые институциональные структуры. Индивид как субъект социального действия предстает как создатель социального порядка, а в философии истории – и как создатель истории.

Такая теоретическая позиция может получать полноту и завершенность, если агентность человека понимается как потенциал человека конституировать свою социально-историческую жизнь *сознательно проектируемым и направляемым образом*. Агентность становится субъектностью в полном смысле, социальное действие приобретает характер сознательной социальной субъектности. Такая субъектность может и должна получать коллективное проявление, становясь интересубъективностью соответствующего порядка. Представленную здесь позицию можно считать последовательной субъектной формой социальной агентности.

В целом такая идея социального субъекта предполагает социальную зрелость индивидов; их свободную самореализацию, а также формирование разумных общественных отношений и как продукта действующих зрелым образом людей, и как предпосылки осуществления собственного права и воли человека.

Субъект как ответственный агент предстает как наделенный определенной устойчивой самопреемственностью, принимающий взвешенные и обдуманые решения. Эти решения должны быть ориентиром и целью действий, а сами действия в своей совокупности должны служить реализации определенного проекта, задающего смысл практической жизни. В идеале жизненный проект призван стать средством реализации опреде-

ленной идеи. Речь идет об идее как организующем принципе, источнике энергии и мобилизации, ключе к интерпретации жизни и социальных отношений, видении мира, организации знания и жизненной практики. В общем, это руководство, позволяющее ориентироваться в реальности и формировать ее.

Отметим следующее. Концептуализируемые подобным образом социальная агентность, социальная субъектность еще только должны получить реальное воплощение. Первым условием созидания желательной социальной реальности должно, прежде всего, стать оформление интересубъективного процесса, в котором индивидуальная субъектная агентность будет постоянно трансформироваться в коллективную агентность, в коллективную инстанцию конституирования желательной социальной реальности. Далее, для того чтобы социальная реальность стала благом, годным к использованию, стала способствующим выживанию и благосостоянию социальным миром, требуются свершения, направленные на его практическое изменение – техническое и морально-политическое. Благой мир должен быть еще создан посредством субъектных, точнее, интересубъективных усилий всего общества. Так возникает представление об обществе, конституирующем и созидающем себя. А для реализации субъектно-интерсубъективного проекта лучшего, более человеческого общества требуется объемная социальная теория, способная указать объективные условия процессуального самопорождения общества.

В современной философии и социальной теории к такой «субъектной» модели социальной агентности наиболее близка социально-философская концепция Юргена Хабермаса. В соответствии с этой концепцией человеческий род как современное самоконституирующееся мировое общество рассматривает свои исторические предпосылки как материал, которым можно распоряжаться. Оно при этом зависимо только от внешней природы и определяется природой человеческих потребностей, «организмом трудящегося человека».

Проблематика исторического действия индивидуального исторического субъекта в современной социально-философской мысли чаще всего моделируется в соотношении с практической и теоретической ситуацией, которая характеризуется как «модерн». Соответственно, эту проблематику применительно к современной теоретической ситуации можно определить как «субъект и модерн».

Оформление «идеи субъекта» как субъекта социального действия было нерасторжимо связано с общим историческим процессом становления и утверждения модерна. Это нашло свое отражение в теоретической мысли эпохи модерна, в том числе в философии и социологии. Сама мысль модерна есть в той или иной форме размышление о социальном субъекте и субъективности.

В современных разработках, концентрирующихся на проблематике модерна, на передний план выходит индивидуальное социальное дейст-

вие, а не действие человечества как родового субъекта. Индивид предстает как «субъект», и анализ фокусируется – в интересующей нас перспективе – на выявлении потенциала социальной субъектности.

Понятно, что современные исследования «модерна», «радикального модерна», «постмодерна» сосредоточиваются в первую очередь на современной социальной ситуации, а соотнесение с прошлым выполняет в основном инструментальную функцию по отношению к главному объекту исследования – современности. В этих концепциях, с одной стороны, теоретически фиксируются реальные условия существования субъекта эпохи модерна, а с другой – субъект эпохи модерна предстает как лишь отчасти реализованная возможность, как возможность, которая еще подлежит полной реализации.

Резюмируя общее содержание различных современных концептуализаций «субъекта модерна», можно утверждать, что такие концептуализации могут быть ориентированы как на позитивную характеристику и осмысление субъекта модерна, так и на его критику и даже отрицание его социально-исторической действительности.

Обобщенная современная идеальная концептуализация «субъекта модерна» представляет индивида как наделенное уникальной идентичностью «я», неповторимое, уникальное существо, базисной целью которого является самореализация. Индивид способен быть сознательным субъектом социального и культурного процесса. Такой субъект руководствуется прежде всего разумом; именно разум является стержнем субъектной и субъективной самореализации. Создание условий для самореализации такого индивидуально-автономного субъекта предстает как основная цель исторического и культурного процесса. Задача и смысл социальных институтов видятся в том, чтобы обеспечить условия такой самореализации для всех и каждого.

Главное заключается в следующем. Признание «субъекта модерна», какие бы формы такое признание ни принимало, означает признание социальной агентности как субъектности, означает признание возможности контроля над социальным процессом.

Реконструированные философские социально-онтологические модели агентности и субъектности в нынешних условиях целесообразно расширить за счет обращения к теме, в огромной степени новой для философской рефлексии, в том числе для философской социальной онтологии, – возможности изменять с помощью новейших научно-технологических средств саму биологическую природу человека со всеми вытекающими отсюда социальными последствиями. Если говорить коротко, речь идет об осмыслении характера и перспектив человеческого существования, которое не будет однозначно определяться биологической природой человека, обусловленной предшествующим эволюционным процессом, – осмыслении перспектив «постэволюционного существования». Все это неизбежно затрагивает существенные моменты не только философско-антропологиче-

ческой проблематики, но и проблематики социальной онтологии, позволяет сформулировать целый ряд вопросов, постановка которых была бы немислима в другие эпохи. Возможно и желательно ли оставаться в рамках традиционных способов понимания понятия *человек*? Может быть, целесообразно пересмотреть это понятие, унаследованное от либерального гуманизма, с тем чтобы создать новые формы этого понятия? Во что мы превращаемся? Кем и чем мы в действительности хотим быть? Какое общество желательно смоделировать, учитывая новые неслыханные возможности науки?

Практически все подходы философской социальной онтологии, как традиционные, так и новейшие, исходят из наличия такой биологической структуры, как «человек». Эта структура допускает огромную вариативность, эволюционную изменчивость, однако остается устойчивой и во многих отношениях неизменной. Иными словами, человек как биологическое существо понимается как некая неснимаемая, говоря философским языком, «абсолютная» данность. Человек являет неслыханную пластичность в своем социальном и культурном творчестве, но создается все это многообразие на основе и в рамках определенной биологической структуры.

В современных концепциях «посторганического человека» социальная онтология предстает в увязке с демонстрацией способности человека посредством современной «технонауки» преобразовать и такое фундаментальное условие устройства социального бытия, как собственная органическая природа. Возможное «посторганическое», «постэволюционное» существование может восприниматься и как совершенно определенное свидетельство социально-трансформационного потенциала человека. Это есть также ответ на ряд важнейших вопросов социальной онтологии.

Итак, мы реконструировали различные философские способы понимания и концептуализации социальной агентности. Они простираются от молчаливого, как бы самоочевидного признания способности человека поддерживать и воспроизводить существование базисных социальных институтов, социального порядка до признания полноценной социальной субъектности как потенциальной способности проектировать и создавать желательный благой социальный мир.

При этом в современной социальной онтологии не тематизируются какие-либо всеобщие принципы социально-конструктивной деятельности человека, укорененные в его природе или в каких-то внеположных человеку реальностях. Разумеется, предполагаются определенные ограничивающие эту деятельность моменты природно-физического и природно-биологического свойства. Однако главным фактором, ограничивающим и направляющим социально-созидательную деятельность, предстает сама эта деятельность, точнее, ее уже реализованные содержания.

Вообще мы вправе заключить, что при разработке социальной онтологии и в философии, и в социальных науках в настоящее время очевидно преобладает стремление к концептуализации социальной реальности как

открытого, не предопределенного динамичного процесса. Конечно, речь идет именно о социальной онтологии, т.е. каких-то «последних», «базисных» свойствах социальной реальности.

С таким выводом относительно характера разработки социальной онтологии сочетается и другой вывод общего плана. Современные социально-онтологические концепции делают акцент на социально-созидательном потенциале человека. Это касается и генезиса социальной реальности, и вычленения базисных компонентов этой реальности, и указания на источники социальных трансформаций.

Социальная онтология в современной теоретической социологии

Социальная онтология, разумеется, разрабатывается в той или иной форме и в рамках социально-научного познания. В этом плане ведущую роль играет теоретическая социология.

В социологии важнейшим признаком социально-онтологической концептуализации является ее универсальная применимость практически ко всем тем социальным коллективным образованиям, которые социология всегда квалифицировала как «общества» (в широком смысле). Это достигается как за счет предельно возможного охвата социально-исторического материала, так и за счет предельно высокого уровня теоретического обобщения. Еще одним средством достижения подобной цели является соотнесение с широким спектром наличных социологических теорий, где в том или ином формате ставятся социально-онтологические задачи.

При рассмотрении социальной онтологии, разрабатываемой в социологической теории, общим ориентиром будет служить тот набор проблем, который был определен как основной для социальной онтологии в ее философских разновидностях. Это проблемы оформления и существования социальной реальности как компонента единой реальности, а также проблемы становления базисных структурных элементов социальной реальности как таковой и характера их взаимоотношений.

В настоящее время социальная онтология осуществляется главным образом в нескольких типах социологической теории: теориях общества; эволюционизме (в его классических и современных формах); теориях, ориентированных на решение проблемы соотношения институциональных структур и агентности.

Прежде всего, как уже было сказано, это «теории общества». Как известно, можно разделить общие теории обществ и теории конкретных типов или форм обществ¹. Общие теории общества (называемые иногда «формальными») стремятся указать общие свойства обществ как таковых, безотносительно к их конкретной исторической специфике. Таким теориям присуща тенденция устанавливать базисные факторы социогенеза,

¹ Примером такой разработки теорий общества является работа: Полякова Н.Л. XX век в социологических теориях общества. – М.: Логос, 2004.

фундаментальные структуры социального устройства как такового, указывать самые общие факторы социальной динамики и изменения. Как видим, речь идет фактически о главных задачах философского и социально-научного онтологического познания, как они были определены выше.

Масштабными примерами разработки социальной онтологии как «теории» можно считать теорию общественно-экономической формации К. Маркса, теорию социальной системы Т. Парсонса. Примером современной универсальной социологической теории общества, базирующейся к тому же на очень широком историческом материале, является концепция британского социолога Майкла Манна. Осуществленное М. Манном исследование предыстории человечества, перехода к цивилизации, истории ранних цивилизаций, исторического пути западной цивилизации представляет собой один из крупнейших исследовательских проектов в области современной социологической теории общества вообще [Mann, 1986].

С точки зрения разработки социальной онтологии значимым содержанием концепции М. Манна следует считать и критическое размежевание с системной, или унитарной, концепцией общества, которую он квалифицирует как «социологическую ортодоксию». М. Манн намеревается руководствоваться «особым общим подходом» к анализу обществ, расходящимся с теми «моделями общества», которые господствуют в социологии и историографии.

Термин «общество» чаще всего применяется для обозначения всякой стабильной человеческой группы и в этом плане находится в одном ряду с такими понятиями, как «социальная группа» или «ассоциация». М. Манн также использует термин «общество» в таком значении. Однако в более строгом или более амбициозном смысле данный термин применяется и к стабильной социальной группе, понимаемой как унитарная социальная система. В таком смысле использовали этот термин О. Конт, Г. Спенсер, К. Маркс, Э. Дюркгейм, антропологи-классики. Только М. Вебер относился настороженно к такому подходу, и лишь Т. Парсонс вступил с ним в открытый спор. Определение Парсонса – «общество – это определенный тип социальной системы во всяком универсуме социальных систем, который достигает наивысшей степени самодостаточности как система по отношению к своей среде» – приемлется М. Манном, но при этом отвергается чрезмерное употребление слова «система». В итоге он предлагает свое определение: «Общество – это сеть социальной интеракции, на границах которой существует определенного уровня интеракционный зазор между нею и ее средой» [Mann, 1986, p. 13].

Общество представляет собой известное единство со своими пределами, оно воплощает относительно плотную и стабильную интеграцию. Это означает, что такая интеракция является внутренне структурированной, если сопоставлять ее с какой-либо интеракцией, пересекающей ее пределы.

«Особый общий подход» М. Манна фактически соотносится с основополагающими проблемами социальной онтологии. М. Манн не обращается специально к проблеме социогенеза, поскольку его социологическая теория размещает социальную реальность в природной как фундаментальном контексте человеческого существования, а также исходит из фактичности социально-коллективной жизни человека.

В социально-онтологическом плане главное в теории М. Манна состоит в концептуализации социальной власти как фундаментального элемента социально-исторической жизни человека, а «источников социальной власти» – как фундаментальных компонентов социального мира. Вновь отметим, что теория М. Манна постоянно критически соотносится с «социологической ортодоксией».

Подход М. Манна можно, по его собственным словам, резюмировать в двух утверждениях. Первое утверждение гласит: «Общества конституируются множеством накладывающихся друг на друга и пересекающихся социопространственных сетей власти» [Mann, 1986, p. 1].

Смысл данного утверждения раскрывается, прежде всего, через указание на то, чем общества не являются. Общества не являются чем-то унитарным. Общества не представляют собой социальные системы (закрытые или открытые). Невозможно найти какое-либо общество, полностью ограниченное в географическом или социальном пространстве. Поскольку нет системы, нет тотальности, то не может быть «подсистем», «измерений» или «уровней» у такой тотальности. Так как нет целого, то социальные отношения нельзя свести «в конечном счете» к какому-то системному свойству этого целого – будь то «способ материального производства», «культурная» или «нормативная система». В силу того что нет отграниченной тотальности, нет смысла делить изменения или конфликты на «эндогенные» и «экзогенные» разновидности. Не существует социальной системы, и потому нет внутренне присущего ей «эволюционного» процесса.

Второе утверждение вытекает из первого. Самым лучшим общим объяснением обществ, их структуры и истории будет объяснение в терминах взаимоотношений «четырёх источников социальной власти – идеологических, экономических, военных и политических отношений». Эти отношения представляют собой: 1) накладывающиеся друг на друга сети социальной интеракции, а не измерения, уровни или факторы какой-то единой социальной тотальности; 2) организации, институциональные средства достижения определенных человеческих целей.

Преследуя свои цели, люди вступают в отношения кооперативной коллективной власти. При реализации коллективных целей возникают социальная организация и разделение труда. Они несут в себе тенденцию к распределительной власти, что вытекает из функций контроля и координации. Те, кто занимает позиции наверху, в состоянии осуществлять контроль при условии, что функции контроля институционализированы в законах и нормах соответствующей социальной группы.

Как считает М. Манн, в самом общем виде власть – это способность преследовать и достигать тех или иных целей посредством овладения окружающей средой. Социальная власть обладает еще двумя специфическими характеристиками. Во-первых, она представляет собой осуществление господства одних людей над другими людьми. Речь идет о «распределительном» аспекте власти, способности одних навязать свою волю другим. Во-вторых, социальная власть может быть «коллективной». Коллективный аспект социальной власти заключается в кооперативном объединенном усилении мощи одних людей для господства над какими-то другими людьми или господства над природой. В большинстве социальных отношений одновременно действуют и переплетаются оба аспекта власти – «распределительный и коллективный, эксплуататорский и функциональный». Отношение между двумя этими аспектами социальной власти носит диалектический характер.

Четыре источника социальной власти связаны с различными организационными средствами осуществления социального контроля. В разные времена и в разных обстоятельствах тот или иной источник превосходил другие по своим организационным возможностям и форма организации этого источника социальной власти определяла форму соответствующего общества в целом.

Отношения между четырьмя указанными источниками социальной власти не являются сугубо внешними, поскольку они не отделены жестко и четко друг от друга. В то же время многие «сети практики», интеракционные сети располагаются как бы в промежутках основных четырех источников социальной власти и не вписываются полностью в наличные «господствующие конфигурации» социальной жизни. Кроме того, в эти господствующие конфигурации не полностью интегрированы в институциональном отношении и некоторые, причем весьма важные, моменты и указанных четырех источников. «Эти два ресурса интеракции в промежутках и ведут в конечном счете к появлению эмерджентной властной сети, центрирующейся на одном или более четырех основных источников социальной власти, а также приводят к реорганизации социальной жизни и новой господствующей ее конфигурации. Таким образом продолжается исторический процесс» [Манн, 1986, р. 30].

Если обратиться к социально-онтологической проблематике взаимодействия институциональных структур и человеческой агентности, то правомерно утверждать, что эта проблематика фактически отсутствует в концепции М. Манна. Его позицию можно представить следующим образом.

Как полагает М. Манн, человечество не подразделяется на ограниченные тотальные образования. Несуществующая тотальность не может быть социальной структурой, которая «как целое» ограничивает социальное действие. И вообще бесполезно членение на «социальное действие» и «социальную структуру». Данная позиция, как и прочие, формулируется через противопоставление «социологической ортодоксии».

Социально-онтологические задачи решаются и в теориях социальной эволюции. Эти теории представлены в различных социальных науках и весьма разнообразны. Как известно, с 1970-х годов идет речь о «возвращении» парадигмы социального эволюционизма, о «неоэволюционизме». В данной работе нас интересует только социологический эволюционизм, причем только в социально-онтологическом аспекте. В социально-онтологической перспективе в фокусе внимания, в соответствии с принятым здесь подходом, должны находиться базисные условия социогенеза в соотношении с природной, природно-биологической реальностью, их реализация в механизмах структурирования и изменения социальной реальности.

На наш взгляд, в этом плане особый интерес вызывает концепция Уолтера Рансимана [Runciman, 2000]. Прежде всего несомненным достоинством концепции У. Рансимана можно считать стремление развернуто вписать социально-культурную эволюцию в контекст природной эволюции.

История восходит к возникновению органической материи из базовых химических ингредиентов вселенной (на Земле) и движется к человеческой ментальности и ее способности создавать и программировать компьютерные системы, которые сами обладают «ментальными» способностями. Во всех аспектах своих социальных отношений мы представляем собой результат непрерывного взаимодействия между наследственностью и средой. Из нашего общего наследия, восходящего к тысячелетиям плейстоцена, продолжают эволюционировать новые и различные образцы социального поведения, следующие друг за другом так, что их недетерминированное чередование нельзя предсказать.

Для того чтобы реализовывалось, по словам Ч. Дарвина, «происхождение с модификациями», должны быть выполнены два независимых условия. Первое заключается в том, что базовые ингредиенты изучаемого объекта должны быть способны быть репликаторами, т.е. воспроизводить себя, причем воспроизводить с небольшими, но значимыми различиями, которые принято называть мутациями. Второе условие: эти изменения, мутации должны обладать свойством влиять на шансы своего воспроизводства, что, разумеется, означает возможность дальнейших мутаций. У. Рансиман решительно подчеркивает, что все это совсем не означает «выживание наиболее приспособленных» в том смысле, что свидетельством приспособленности является выживание, а выживание – свидетельство приспособленности.

История человеческого социального поведения неизбежно носит «эволюционный» характер в том смысле, что все его формы появлялись из предыдущих, но, следует подчеркнуть, не в том смысле, что изменение от одной формы к другой – это изменение в направлении какого-то окончательного состояния вещей, которое можно определить заранее. Подобное представление, распространенное в XIX в., дискредитирует идею в настоящее время.

Наши мысли нельзя напрямую объяснить в терминах физики, даже несмотря на то что наши ментальности не состоят из чего-либо иного, кроме исключительно сложной молекулярной механики. И наши социальные институты нельзя объяснить напрямую в терминах биологии, даже несмотря на то что социальное поведение – это только то, что делают индивидуальные организмы, наделенные ментальностью и взаимодействующие друг с другом.

Поскольку все новые формы человеческого социального поведения появились тем или иным способом из прежних, то процесс, посредством которого осуществилось появление какой-то новой формы, по определению представляет собой процесс отбора. Для социолога история – это не одна вещь за другой, это какая-то вещь *вместо* другой. Это сразу же ставит вопрос о том, что же отбирается продолжающимся процессом отбора на каждом уровне.

На биологическом уровне это гены. На культурном уровне, когда инстинкт дополняется имитацией и научением, объектами отбора становятся единства или пучки единств информации и наставлений относительно поведения, которые передаются от ментальности к ментальности. Одни используют для обозначения «мем», другие предпочитают термин «свойство», что позволяет соотноситься с репликацией не только единиц информации, но и целых «комплексов репрезентации», таких как произведения искусства, научные теории, системы мифа и ритуала и т.п. Главное в том, что для объяснения культурной эволюции – т.е. изменений в образцах приобретенного социального поведения – следует обладать гипотезой относительности характеристик среды, которые помогли мутирующим «мемам» (или свойствам, или пучкам наставлений) распространиться и воспроизвестись.

На социальном уровне объектами отбора являются единицы взаимного действия; объектами социального отбора являются и могут быть только практики, определяющие роли. Как организмы мы представляем собой машины для воспроизведения генов в наших телах, а как организмы с ментальностью, выполняющие определенные роли, мы представляем собой машины для воспроизводства тех практик, которые определяют эти роли, а также определяют группы, сообщества, институты и общества, конституируемые ролями, – так можно резюмировать характеристику социального процесса, предлагаемую У. Рансиманом.

Обращаясь к вопросу о значении для научного изучения социального поведения того факта, что это поведение по большей части есть дело целеполагания и целей, а также сознательных решений для достижения этих целей, У. Рансиман утверждает следующее. Понятия социального отбора и давления среды не вступают в противоречие с понятиями индивидуального решения и рационального выбора.

Напротив, есть основания полагать, что человеческая ментальность запрограммирована посредством естественного отбора на калькуля-

цию соотношения затрат и приобретений при том или другом способе действия. Однако хотя наше и навязанное, и приобретенное поведение есть дело выбора, это не объясняет ни причину выбора, ни его последствия. Вопрос: «Какая осознанная цель преследовалась, когда вводилась данная мутация в социальном поведении?» вполне совместим с вопросом: «Каким образом данная мутация повлияла на последующую эволюцию того общества, в котором это произошло?» Правда, на этот последний вопрос еще надо дать ответ, признает У. Рансиман.

Эволюция, естественная, культурная или социальная, не есть движение к какому-то predetermined окончательному состоянию. Она есть всего лишь движение от того, что представляет собой в какой-то момент более или менее стабильное равновесие. Соответственно, социология не в состоянии предсказать будущее институтов и обществ.

Как видим, У. Рансиман в своей социологической концепции фактически предложил определенные ответы на основные социально-онтологические вопросы.

Теоретически эксплицирован континуум между природно-биологической и социально-культурной эволюцией. Это позволяет указать на базисные факторы структурирования социальной реальности, причем на уровне универсального обобщения. У. Рансиман дает ответ и на столь простой для социального эволюционизма вопрос об отношениях между институциональными структурами и человеческой агентностью. Этот ответ заключается в отказе от эволюционистского детерминизма в понимании социального действия.

Теории, в фокусе внимания которых находятся проблемы взаимодействия социальных структур и человеческой агентности, причем притягивающие на высокий уровень теоретического рассмотрения, естественно, представляют значительный интерес в социально-онтологическом плане.

Некоторые социологи считают, что вся история социологии – это история постоянного столкновения двух фундаментально противоположных подходов к исследованию социальной реальности. Один из них представляет собой построение социологической теории как «социологии социального действия», другой – как «социологию социальной системы». «Социология социальной системы» постигает человека как существо, открытое миру, способное, в отличие от животного, к многообразным способам поведения. Поэтому человек нуждается в институциональном контроле для того, чтобы своими действиями он не нарушал социальный порядок и не разрушал общество. «Социология социального действия» воспринимает открытость человека миру как его достоинство, открывающее широкие возможности действия и оформления мира, а не как недостаток.

При этом очевидно, что «социологию социальной системы» и «социологию социального действия» целесообразно рассматривать и использовать не как конкурирующие, а как дополняющие друг друга подходы к изучению социальной реальности. Адекватное социологическое понима-

ние возможно только при комбинированном использовании обоих указанных подходов. Более того, следует говорить о необходимости такого взаимодействия.

Действительно, многие разновидности современной теоретической социологии ориентированы на концептуализацию двустороннего характера социальной реальности, в которой человек предстает и как создатель, и как создание этой реальности. Люди конструируют ее своими действиями и в то же время испытывают те ограничения, порой весьма суровые и жесткие, которые она налагает на их жизнь.

Двустороннее отношение между социальным действием и социальной структурой – это всегда процессуальное отношение, означающее динамичное и взаимообуславливающее взаимодействие сторон отношения. Такой преобладающий в современной социологии подход к проблематике социальной агентности, соответственно, к проблематике отношений между социальным действием и социальными институциональными структурами, представлен в различных формах. Достаточно упомянуть теорию коммуникативного действия Ю. Хабермаса, теорию структуриации Э. Гидденса, позицию П. Бурдьё и других представителей современной европейской социологии.

В американской социологии последних десятилетий проблематика отношений между социальными структурами и агентностью в основном носит форму «дискуссии микро – макро». В этой дискуссии заметное место занимает структурно-функционалистская парадигма, с которой так или иначе соотносятся и приверженцы других теоретических позиций.

Дихотомия микро – макро восходит к политической сфере, восходит к спору об отношениях между конституциями и божественными правами королей, а также к спорам о том, должна ли нация служить первичной основой политической лояльности по отношению к сообществам, образуемым индивидами.

В связи с этим обратимся к работе американского социолога Джеффри Александра и немецкого социолога Бернгарда Гизена, которая представляет собой обширную вводную статью к сборнику, посвященному указанной дискуссии [Alexander, Giesen, 1987, p. 1–44].

Это дискуссия, которая «предстала как ключевой момент современной социологической теории... проблема микро – макро выходит за рамки границ парадигм и поэтому способствует сотрудничеству различных теоретических традиций, а также интеграции дисциплины» [Alexander, Giesen, 1987, p. 1].

Прежде всего, Дж. Александер и Б. Гизен отмечают, что «дихотомию микро – макро» не следует отождествлять с какими-либо конкретными дихотомиями, такими как «индивид против общества» или «действие против порядка». Данную дихотомию следует рассматривать как «аналитическое различение». Кроме того, Дж. Александер и Б. Гизен подчерки-

вают, что проблема должна рассматриваться как отчетливо социологическая, а не как философская или политическая.

В конце XIX – начале XX в., отмечают Дж. Александер и Б. Гизен, философские дихотомии стали воспроизводиться в основополагающих утверждениях социологической теории как в более эмпирической форме дискурса. Какой бы общей и абстрактной ни была социология, она стремится, в отличие от философии, быть эмпирической наукой. В социологической теории неэмпирические устремления становятся лишь имплицитными компонентами, становятся «предпосылками» социологического рассуждения.

Рассмотрение того, как философские дебаты относительно индивида и общества транслировались в классическую социологию, резюмируют Дж. Александер и Б. Гизен, указывает на то, что с самого начала социологическая мысль предлагала ориентацию на более синтетическую, менее антагонистическую концептуализацию отношений между индивидом и обществом. С одной стороны, это было связано с вниманием к «обществу» в плане отношений между индивидуальным и коллективным поведением. С другой стороны, отчетливая эмпирическая ориентация новой дисциплины принуждала даже макротеоретиков К. Маркса и Э. Дюркгейма стремиться увязывать коллективные силы с наблюдаемыми действующими индивидами. Приверженность социологов коллективным или групповым силам не означала отрицание существования действующих индивидов в онтологическом смысле. Индивидуальный микропроцесс играет решающую роль в поддержании макропорядка.

Анализ проблематики отношений между агентностью и социальными институтами, анализ отношений микро – макро в работе Дж. Александера и Б. Гизена принимают форму разработки типологии указанных отношений.

В вопросе об отношении микро – макро можно выделить по меньшей мере пять основных позиций. 1. Рациональные, способные полагать цели индивиды создают общество. 2. Индивиды, опирающиеся на интерпретацию, создают общество посредством контингентных актов свободы. 3. Социализированные индивиды как коллективная сила воссоздают общество посредством контингентных актов свободы. 4. Социализированные индивиды воспроизводят общество, транслируя существующий социальный порядок в микросферу. 5. Рациональные целеполагающие индивиды подчиняются обществу, поскольку принуждаются к этому внешним социальным контролем.

Представим предложенную типологию в развернутом виде. Можно занять коллективистскую позицию, в соответствии с которой отрицается первостепенная ответственность индивидов и, соответственно, отрицается первостепенная важность фокусирования на микро.

Коллективистская позиция в отношении порядка, опирающаяся на объективистский подход к действию, отрицает какое-либо эмпирическое

значение субъективных восприятий порядка. Она ведет борьбу против фокусирования на микро- или индивидуальном уровне. Это выбор 5.

Коллективистская теория, опирающаяся на интерпретативный подход, напротив, наделяет центральным значением субъективное восприятие, но вместе с тем утверждает, что содержание такого восприятия располагается за пределами контингентности индивидуальных актов. Личности и интеракция воспринимаются как главная «конвейерная линия» коллективных фактов. Если индивидуальная субъективность понимается как простое воспроизведение, то перед нами выбор 4. Если же субъективная коллективистская теория наделяет микроуровень аналитической автономией, т.е. признает, что социализированный индивид осуществляет воссоздание в процессе воспроизводства, то мы имеем дело с выбором 3.

Для теоретических позиций, делающих упор на полной контингентности социального действия, даже «аналитическая автономия» недостаточна. Микро отождествляется с индивидом, а он рассматривается как первичный источник социального порядка. Вместе с тем индивидуалистские концептуализации социального порядка, точно так же как коллективистские, связаны с различными способами понимания действия.

Индивидуалистские теории могут делать упор на рациональном и объективном характере действия, а микроанализ – сосредоточиваться на изучении таких эмпирических феноменов, как затраты, вложения со стороны индивида, на его возможностях (это выбор 1). Если же, напротив, исследование исходит из субъективности индивида, то внимание будет смещаться на процессы интерпретации, на некоторую произвольность таких процессов (это выбор 2).

В работе Дж. Александера и Б. Гизена представлен и типологически упорядочен очень широкий спектр позиций в сфере социологического исследования отношений между агентностью и структурами, соответственно, между микроуровнем и макроуровнем социологического анализа. Типология, предложенная Дж. Александером и Б. Гизеном, отражает, говоря их собственными словами, «мультипарадигмальные дебаты». Добавим, что речь идет о дебатах, длящихся не одно десятилетие.

Ценность этой типологии обусловлена не только учетом «мультипарадигмальных» воззрений и тем, что она фактически подводит определенные исторические итоги в одной из важнейших областей социологической теории. Главное достоинство рассмотренной типологии видится в том, что здесь четко представлены позиции, в которых «вопрос о действии отделен от вопроса о порядке» [Alexander, Giesen, 1987, p. 14]. Это позволяет четко понимать исходные позиции и движущие мотивы настойчивых и многообразных поисков связи и синтеза в концептуализациях отношений между агентностью и структурами, между микроуровнем и макроуровнем социологического анализа.

При представлении типологии отношений микро – макро мы руководствовались социально-онтологическим интересом, поскольку есть вес-

кие основания считать эту типологию и социально-онтологической концептуализацией. Ведь рассматриваются *нередуцируемые структурные компоненты* социальной реальности как таковой, их взаимодействие. Устойчивые образцы такого взаимодействия суть базисные формы конституирования и формирования социально-бытийной сферы.

Список литературы

- Кимелев Ю.А.* Западная философия истории на рубеже XX–XXI веков / РАН. ИНИОН. Центр гуманист. науч.-информ. исслед. Отд. философии. – М., 2007. – 76 с.
- Полякова Н.Л.* XX век в социологических теориях общества. – М.: Логос, 2004. – 384 с.
- From reduction to linkage: The long view of the micro-macro link // The micro-macro link / Alexander J.C., Giesen B., Mynch R., Smelser N.J. – Berkeley (CA): Univ. of California press, 1987. – P. 1–44.
- Johansson I.* Ontological investigations: An inquiry into the categories of nature, man and society. – L.; N.Y.: Routledge, 1989. – VI, 377 p.
- Mann M.* Societies as organized power networks. – Cambridge: Cambridge univ. press, 1986. – Vol. 1: A history of power from the beginning to A.D. 1760. – IX, 549 p.
- Rumpel R.* Geschichte, Freiheit und Struktur: Idee, Umriss und Grundprinzipien einer Strukturtheorie der Geschichte. – München: Alber, 1990. – 602 S.
- Runciman W.G.* The social animal. – Ann Arbor (MI): Univ. of Michigan press, 2000. – 230 p.
- Searle J.R.* Making the social world: The structure of human civilization. – N.Y.: Oxford univ. press, 2010. – XIV, 208 p.